

ДОПОЛНЕНИЕ К СПРАВКЕ

о результатах предварительного расследования так называемого
"Катынского дела".

В процессе дальнейшего выяснения обстоятельств, связанных с так называемым "Катынским делом", в дополнение к материалам, изложенным в "Справке о результатах предварительного расследования", установлено:

1. На основании показаний АЛЕКСЕЕВОЙ А.М., КОБАХОВСКОЙ З.П. и МИХАЙЛОВОЙ О.А. в "Справке" было указано, что на бывшей даче УНКВД в "Козьих горах" помещалось "неизвестное немецкое военное учреждение", руководимое оберст-лейтенантом АРНЕС.

Наведенной в Разведывательном Управлении Генерального штаба Красной Армии справкой выяснено, что это "неизвестное военное немецкое учреждение" именовалось в германской армии "штабом 537-го строительного батальона".

Поскольку преступная деятельность этого "штаба" совершенно точно установлена произведенным расследованием, нет никакого сомнения, что наименование "Штаб 537-го строительного батальона" являлось ничем иным, как только кодированным прикрытием учреждения, занимавшегося делами, отнюдь ничего общего неимевшими со строительством.

II. В "Справке" на стр. 32-33 указано, что фамилии ряда своих "свидетелей", за исключением КИСЕЛЕНКА П.Г., немцы обозначали только одной буквой.

Так обозначались фамилии "свидетелей" в сообщениях германского информационного бюро.

Ныне выяснено, что в изданной германским министерством иностранных дел книге, в которой немцами были помещены сфабрикованные ими материалы по "катынскому делу", приведены полностью фамилии "свидетелей": ГОЛЕЗОВ (он же ГОЛУНОВ), 1877 года

рождения, СИЛЬБЕРСТОВ Григорий, 1891 года рождения, АНДРЕЕВ Иван, 1917 года рождения, ЖИГУЛЕВ Михаил, 1915 года рождения, КРИВОЗЕРЦЕВ Иван, 1915 года рождения, ЗАХАРОВ Григорий, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (ГОЛЕЗОВ и СИЛЬБЕРСТОВ) умерли в 1943 году до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (АНДРЕЕВ, ЖИГУЛЕВ и КРИВОЗЕРЦЕВ) ушли с немцами, а может быть были ими увезены насильно, а последний - ЗАХАРОВ, бывш. староста дер. Новие Батеки, был арестован и увезен органами контрразведки "Смерь" проходящих частей Красной Армии. Местопребывание его устанавливается.

Как сообщается в упомянутой выше книге германского НКД"а, эти "свидетели" показали, что якобы им, со слов "неизвестных лиц" и по слухам, известно, что в 1940 году большевики в Катинском лесу расстреляли военнопленных поляков.

Цена этих свидетельских показаний ясна, поскольку расследованием установлено, какими методами немцы пытались получить нужные им ложные показания по "катынскому делу".

В дополнение к приведенным в "Справке" показаниям ИВАНОВА С.В., САВВАТКЕВА И.В., ИГНАТЮКА Б.Л., КИСЕЛЕВА И.Г. Комиссией получены показания новых лиц, из которых немцы пытались "сделать свидетелей".

Так, например, бывш. пом. начальника Смоленской тюрьмы НКВД, оставшийся на оккупированной немцами территории, КАВЕРЗНЕВ Николай Сергеевич, 1895 года рождения, показал:

"24 апреля я был арестован окружной полицией и находился под стражей до 7 мая 1943 года, а потом был переведен в тюрьму гестапо на Киевском шоссе...

Я был арестован как сотрудник УНКВД. Вначале на допросах я отрицал, что работал в УНКВД, но после того, как меня два раза избили и дали очную ставку с бывш. надзирателем Смоленской тюрьмы ИКОБЛЕВИМ Георгием, я вынужден был сознаться, что работал в УНКВД на хозяйственной работе...

Следователь полиции АЛЕКСАНДРОВ вымогал от меня показания о том, что мне якобы известно, что в

1940 году советскими властями из гор. Козельска в Смоленскую тюрьму привозились военнопленные польские офицеры, которых на машинах перевозили в Катынский лес и там в моем присутствии их расстреляли.

Когда я заявил АЛЕКСАНДРОВУ о том, что это не соответствует действительности и что в Смоленской тюрьме за всю свою работу я ни одного военнопленного польского офицера не видел, АЛЕКСАНДРОВ ответил: "Это никакого значения не имеет, нам нужен свидетель, могущий подтвердить, как очевидец, расстрел польских офицеров советскими властями. Вы, как бывший работник тюрьмы, являетесь самой подходящей для этого кандидатурой."

В случае моего согласия дать такие показания АЛЕКСАНДРОВ обещал освободить меня из тюрьмы, в противном случае отправить меня в гестапо...

Я категорически отказался давать ложные показания и в связи с этим был отправлен в гестапо...

В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции ложных показаний о том, что я, якобы, являюсь очевидцем расстрела советской властью военнопленных польских офицеров в Катынском лесу."

Показания КАВЕРЗНЕВА подтверждены показаниями бывш. сотрудника НКВД, также арестовывавшегося немцами, ЯКОВЛЕВА Георгия Прокофьевича.

ЯКОВЛЕВ Г.П. показал, что под воздействием избитий он вынужден был на очной ставке с КАВЕРЗНЕВИМ опознать его как сотрудника НКВД и что от него, ЯКОВЛЕВА, также требовали дать ложные показания о том, что он якобы являлся очевидцем расстрела польских офицеров в Катынском лесу органами НКВД.

После неоднократных избитий в полиции ЯКОВЛЕВА заставили подписать протокол, содержание которого ему прочесть не дали.

В "Справке" приводились показания МОСКОВСКОЙ А.М. о том, как в начале апреля месяца 1943 года в принадлежащем ей сарае немцами был задержан русский военнопленный ЕГОРОВ Николай, который в числе 500 русских военнопленных, отобранных из Смоленского лагеря № 126, привлекался немцами к подготовке в марте месяце 1943 года катынских могил.

Опросом ряда свидетелей установлено, что немцы неоднократно проводили облавы и так называемое "прочесывание" деревень в поисках дезертиров, партизан и беглых военнопленных.

С особой строгостью и тщательностью проводились розыски военнопленных в марте-апреле 1943 года.

Колхозник из колхоза "Красная зоря" ДАНИЛЕНКОВ И. В., 1889 года рождения показал:

"Совсем другого рода облавы начались весной 1943 года. Тогда в нашей деревне усиленно разыскивали военнопленных красноармейцев, бежавших из какого-то лагеря, расположенного в близлежащем лесу...

В апреле 1943 года ночью в мой дом пришли 2 полицейских и какой-то немец, все они были вооружены. Начался обыск, перевернули весь дом, но никого у меня не нашли...

Я тогда не мог понять, почему полицейские проводят такой тщательный обыск и относили это за счет того, что они хотят выслужиться перед немцами. Через 2-3 дня меня пришел проводить ФАТЬКОВ Тихон Егорович, который живет в соседнем поселке Новое Батеки. Я ему рассказал об обыске, ФАТЬКОВ мне сказал, что и у него в доме также проводился обыск, которым руководил старший полицейский АНДРЕЕВ".

ФАТЬКОВ Т. Е., колхозник колхоза "Красная зоря", 1887 года рождения показал:

"Мне особенно запомнились две такие облавы, проводившиеся в начале апреля 1943 года. Один раз в дом ко мне явились трое немцев. Один из них спросил: "Русс, пленный тут?" Я ответил, что никаких пленников здесь нет. Немцы тщательно обыскали сени, чердак, полезли в подпол, заставили меня открыть гардероб, но никого не нашли...

На следующую ночь снова повторился обыск, но пришли уже не немцы, а русские полицейские, обыском руководил старший полицейский деревни Новое Батеки-АНДРЕЕВ Иван Андреевич, по прозвищу "Румба". АНДРЕЕВ был сильно пьян и начал на меня кричать, что я скрываю бежавших из под стражи советских военнопленных. Я удивился и спросил, о каких пленниках идет речь. АНДРЕЕВ сказал: "Что, разве не знаем, что ищем военнопленных красноармейцев, которые бежали из лагеря, расположенного в нашем лесу". Я ответил, что никаких военнопленных красноармейцев не видел."

Аналогичные показания дала учительница Почаевской начальной школы УСТИНОВИЧ О.Д., 1921 года рождения.

ФАТЬКОВ Т.В. и ДАНИЛЕНКОВ Н.В. также показали, что в августе-сентябре 1941 года немцы с большой тщательностью проводили облавы и повальные обыски в поисках бежавших военнопленных поляков.

Так, например, ФАТЬКОВ показал:

"В августе месяце 1941 года в мой дом ворвались вооруженные двое немцев и русский полицейский. Немец с автоматом остался в сенях, а другой немец с полицейским вошел в комнату. Полицейский спросил, нет ли у нас посторонних людей. Я сказал, что здесь находится только моя семья и никого из посторонних нет. Неудовлетворившись моим ответом, полицейский и немецкий солдат начали производить обыск. Я спросил у полицейского, кого они ищут. Тот ответил, что в нашей деревне скрываются бежавшие из под стражи военнопленные поляки...

На другой день после обыска я обратился к старосте нашей деревни СЕРГЕЕВУ и рассказал ему о том, что в моем доме был обыск. На это он мне ответил, что в прошлую ночь в деревне был повальный обыск. Немцы искали поляков, бежавших из под стражи...

Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе-сентябре 1941 года."

ДАНИЛЕНКОВ Н.В. показал:

"Военнопленные поляки, о которых я говорю, появились в нашем районе еще в 1940 году...

В 1940 и 1941 г.г. я часто видел группы военнопленных поляков на дорожно-ремонтных и строительных работах. Так продолжалось почти до момента прихода немцев в Смоленский район. Потом, уже в августе-сентябре 1941 года, я снова встречал военнопленных поляков, их вели группами по 15-20 человек под конвоем немецких солдат по направлению к деревне Борск. В нашей деревне шел разговор о том, что немцы захватили лагерь военнопленных поляков, но некоторые из них бежали из под стражи.

Вопрос: Откуда вам известно, что некоторые военнопленные поляки бежали из под стражи?

Ответ: Об этом знают все жители деревни Гнездо, так как у нас производились специальные облавы

- 6 -

по розыску бежавших из под стражи военнопленных поляков...

Такие обыски два или три раза были в моем доме. Обыскивали очень тщательно. После одного обыска я спросил старосту СЕРГЕЕВА Константина, кого ищут в нашей деревне. СЕРГЕЕВ сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, согласно которому во всех без исключения домах должны быть произведены обыски, так как в нашей деревне будто скрываются бежавшие из лагеря военнопленные поляки. Через некоторое время эти обыски прекратились.

Показания ФАТЬЯОВА и ДАНИЛИНОВА об"ективно подтверждаются собственноручной записью биз.начальника Гор.Смоленска НЕПЫЛАГИНА, сделанной им в серии блокнота на странице, датированной 15 августа 1941 года:

"Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру."

Очевидно, было общее распоряжение немецкой комендатуры по всем полицейским органам проводить усиленные поиски бежавших военнопленных поляков.

17. Представляют интерес показания немецких военнопленных, поляков по национальности, КОВАЛЬСКОГО Р.Я. и ПОТКАНСКОГО Э.А.

КОВАЛЬСКИЙ Роман Якович, 1915 года рождения, поляк, уроженец Гор.Августово, польский гражданин, по специальности столяр, был насильно мобилизован немцами в рабочий батальон в апреле месяце 1943 года.

ПОТКАНСКИЙ Эдуард Антонович, 1905 года рождения, поляк, уроженец поселка Хвалов, Варшавского воеводства, в июне 1943 года был также мобилизован в немецкой рабочий батальон.

КОВАЛЬСКИЙ и ПОТКАНСКИЙ после мобилизации были одновременно направлены в рабочий батальон "Баулиштунг-2", дислоцированный в деревне Красный бор Смоленского района. Перед отступлением немцев оба они дезертировали из батальона и 26 сентября 1943 года добровольно сдались частям Красной Армии.

КОВАЛЬСКИЙ и ПОТКАНСКИЙ на допросах показывали, что вскоре после прибытия своего в батальон "Вауляйтунг-2" немцы заставили их вместе с группой поляков из того же батальона посетить катинские могилы. Осмотр катинских могил, по словам КОВАЛЬСКОГО и ПОТКАНСКОГО, убедил их в том, что "катинское дело" является ненадковой провокацией. Такого же мнения придерживались и другие поляки - солдаты рабочего батальона.

Обосновывая свое мнение, КОВАЛЬСКИЙ показал:

"Многие из поляков, служивших вместе со мной в рабочем батальоне, обнаружили в опубликованных немцами списках польских офицеров, якобы расстрелянных русскими в Катинском лесу, фамилии своих знакомых, арестованных гестапо и отправленных в концентрационные лагеря в Германию.

В частности, со слов ГАЛЕВИЦКОГО, уроженца гор. Солячели, мне известно, что он обнаружил в этих списках фамилию своего знакомого поручика, находившегося в германском плену. Переходный весте со мной на сторону Красной Армии ПОТКАНСКИЙ рассказывал, что жена его знакомого капитана в этих списках фамилию своего мужа - поручика польской армии, арестованного в свое время немцами и содержавшегося в лагерях в Германии. Поляк, работавший пофуром в рабочем батальоне, рассказывал мне, что в списках убитых в Катини он нашел фамилию своего отца, бывшего майора польской армии, находившегося в германском плену.

Кроме того, от поляков, служивших в рабочем батальоне я слышал, что весной 1943 года немцы откуда-то привозили в Катинский лес расстрелянных или польских офицеров. Поляки об этом узнали от местного населения."

По этому же вопросу ПОТКАНСКИЙ показал:

"Приблизительно в апреле 1943 года немцы развернули в польских газетах очень широкую кампанию о том, что ими вскрыты в Катинском лесу могилы польских офицеров, якобы расстрелянных большевиками весной 1940 года. Одновременно им в газетах публиковались фамилии офицеров, якобы обнаруженных в этих могилах. Польская общественность отнеслась к этому сначала очень сдержанно, потом многие прямо начали говорить, что это немецкая провокация, так как польские офице-

ров расстреляли сами немцы. Рассказывали, что в опубликованных списках были офицеры, арестованные немцами или содержавшиеся в лагерях.

Мой брат, работавший на железной дороге, мне рассказывал, что в 1940 году гестапо арестовало его близкого друга РУТКОВСКОГО Марьяна - б. офицера польской армии и отправило в исправительные лагеря для политических заключенных в гор. Освенциме. Никаких известий о РУТКОВСКОМ после этого не было и, наконец, в опубликованных списках жена РУТКОВСКОГО обнаружила фамилию своего мужа. Она обратилась в специально организованной немцами в Варшаве Красный Крест для выдачи справок семьям и родственникам расстрелянных в Катинском лесу и выразила свое недоумение по поводу того, что ее муж, арестованный гестапо в 1940 году и содержавшийся в лагерях в Освенциме, вдруг оказался в списках расстрелянных русских в Катини. Ей сказали прийти за окончательной справкой на следующий день. Ночь она была арестована гестапо и дальнейшая ее судьба мне неизвестна.*

КОВАЛЬСКИЙ Р.Я. и ПОТКАНСКИЙ Э.А. показывают также о репрессиях, которые немцы применяли в отношении лиц, высказывавших неверие в немецкие сообщения о расстреле польских офицеров большевиками.

Так, КОВАЛЬСКИЙ показал:

*В мае 1943 года гестапо были арестованы 7 человек поляков, служивших в рабочем батальоне, в числе которых были мои знакомые КИТРИКА, КИВАРЧИК, ХОМНАЦКИ, БИДРУМАК. Их обвиняли в распространении слухов о том, что польские офицеры были расстреляны немцами. После того как они были подписаны протоколы, в которых они заявляли, что считают русских убийцами польских офицеров они были освобождены и вернулись в рабочий батальон. Об этом мне говорил БИДРУМАК, который даже признался, что ему в гестапо дали задание сообщать, что говорят поляки по поводу катинских могил.

В июле 1943 года служивый в батальоне по-
ляк ЛЕВИНСКИЙ, 22-х лет, был арестован гестапо за
разговоры о том, что катинские могилы являются
делом немецких рук. Вскоре им узнали, что ЛЕВИНС-
КИЙ был расстрелян.

Это же подтверждает в своих показаниях и ПОПКАНСКИЙ.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОЮЗА С С Р

(ИВРИЛОВ)

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА С С Р

(БРУТОВ)

* января 1944 года
Г. Смоленск.

Государственная комиссия
Вход. № <i>W-92c</i>
<i>287</i> 1944 г.
Количество листов <i>32</i>
Спецотдел